

М. А. ЧУБУКОВА

ОСОБЕННОСТИ ЗВУКОВОЙ СРЕДЫ АРБАТСКОГО РАЙОНА г. МОСКВЫ

Urban Studies and Practices Pilot Issue, 2015, 68-79
<https://doi.org/10.17323/usp00201568-79>

Обращение к изучению звуковой среды мегаполиса в рамках исследования города в целом не ново, однако в России эта тема пока еще не очень разработана. Традиция отечественных размышлений о городском пространстве скорее ориентирует на решение широких градостроительных проблем¹, в то время как детальные исследования пространства чаще нацелены на изучение визуальной составляющей, при этом нередко используется методология социальной антропологии². В то же время уже появляются и теоретические работы³, и практические средовые исследования [Возьянов, 2014а], нацеленные на изучение звука в городе, которые могут быть вписаны в отечественную научную парадигму и сопоставлены с аналогичными мировыми исследованиями [Sterne, 2012].

Формулировка темы — «Особенности звуковой среды Арбатского района г. Москвы» — может несколько дезориентировать своей широтой. Стоит сразу предупредить читателя, что ставка сделана на поиск метода, поэтому далее речь в основном идет об опыте предшественников и об отработке возможных подходов к изучению проблемы.

Цель работы — описать подход к построению звуковой картины города и разработать методологию описания городских звуковых пейзажей. В качестве объекта исследования выбран Арбатский район горо-

1 См., например, Глазычев В. Л. Город без границ [Глазычев, 2011].

2 См., например, Визуальная антропология: городские карты памяти [Романов, Ярская-Смирнова, 2009].

3 См., например, Замятин Д. Н. Пространство и звук: к пространственным антропологиям звука и звучания [Замятин, 2010].

The Specificity of a Soundscape at Arbat Area (Moscow)

Автор: Маргарита Андреевна Чубукова, магистр градостроительства, Высшая школа урбанистики им. А. А. Высоковского НИУ ВШЭ

Author: Margarita Chubukova, MA in Urban Studies (Graduate School of Urbanism NRU HSE)

E-mail: mchubukova@gmail.com

Abstract: This paper presents a variety of approaches to soundscape analysis. Also it aims to introduce a methodology of acoustic environment description. The soundscape of a central Moscow district was investigated and characterised by seven binary oppositions:

- 1) Character of a sound presence (dominant / secondary);
- 2) Character of a sound (linguistic / non-linguistic);
- 3) Source of a sound (technical / natural);
- 4) "Dynamics" of a sound (dynamic / static);
- 5) "Subjectness" of a sound (anthropogenic / non-anthropogenic);
- 6) Role of a sound in a city scenography (event / background);
- 7) "Friendliness" of a sound (friendly / unfriendly).

This evaluation identified main sonic peculiarities and opened new research perspectives.

Keywords: Moscow soundscape, urban studies, sonic environment, soundwalk, sonic comfort

да Москвы, а предметом стал звук, звучащий в городе. В основе исследования лежит гипотеза о взаимообусловленности звуковых характеристик городского пространства и его сегментирования.

Возможные способы классификации городских звуков

Центральное понятие работы — звуковая среда города (или саундскейп). Под ним вслед за рядом исследователей понимается совокупность звуков, в том числе музыкальных фраг-

ментов, которая регулярно воспроизводится в определенной объективной окружающей среде [Schafer, 1993; Colombjin, 2007].

В академическом сообществе принято считать, что термин «саундскейп» (калька с англ. — *soundscape*), образованный по аналогии с *landscape* (с англ. — «ландшафт»), ввел в научный дискурс канадский композитор-энвайронменталист [Milbrath, Fisher, 1984] Мюррей Шафер (Raymond Murray Schafer), используя его в своем пионерном исследовании глобальной звуковой среды (World Soundscape Project in Vancouver)⁴.

Как Шафер отмечает в работе «The Soundscape» [Schafer, 1993], использование понятия «саундскейп» оправдано в самых разных сферах — акустике, психоакустике, отологии, в области коммуникации и инженерии звукозаписи, лингвистике и теории музыки, также в сфере городской экологии и городского планирования⁵. Исследования, проходящие во всех вышеперечисленных отраслях науки, раскрывают понятие «саундскейп» с разных сторон. Пользуясь имеющимся и специально разрабатываемым инструментарием, ученые, представляющие разные научные и практические сферы, пытаются ответить на одни и те же вопросы: каковы взаимоотношения между человеком и звуками окружающей его среды? Что происходит, когда эти звуки меняются?

Шафер разделил все звуки на hi-fi, что дословно переводится как «высшее качество

звучания», и на lo-fi, что эквивалентно понятию «невысококачественная система воспроизведения (звука)». К категории hi-fi отнесены звуки природы и «загородные» звуки, а в категорию lo-fi попали звуки современной городской среды. В hi-fi среде все звуки носят упорядоченный характер, воспроизводятся только в определенные моменты — будь то пение птиц в рамках суточного распорядка дня или сезонное звучание пастушьего рожка; в то время как lo-fi среда представляет собой непрерывный звуковой фон. В hi-fi среде можно выявить определенные звуковые закономерности («устоявшиеся паттерны»), рассказывающие о круговороте жизни, близкой к природе. Еще одно различие, о котором говорит Шафер, связано с восприятием природных и городских звуков: все аудио-источники и сами звуки lo-fi среды близки человеку, в то время как в hi-fi среде возможно дистанцирование от непосредственного источника, виден так называемый «акустический горизонт». Один из главных вопросов, который стоит перед исследователем: как можно поддержать hi-fi среду? Также его волнуют и острые этические проблемы lo-fi пространства: он обращает внимание на стимуляцию производителей (использование «белого» шума на рабочих местах) и потребителей (фоновая музыка в торговых точках) [Schafer, 1993: 6–7].

Также, согласно Шаферу, работая с саундскейпом, необходимо фиксировать значимые звуковые явления, например, уникальные звуки или доминирующие. Для работы с конкретными звуковыми примерами Шафер создал систему, в которой упорядочил все виды звуков по способам их происхождения. Три главные группы — 1) основные звуки (keynote sounds), 2) предупреждающие звуки / звуки-сигналы (signals), 3) звуки, присущие конкретному месту (soundmarks). К основным звукам относятся «природные» — вроде шума ветра, лесов, насекомых, животных, хотя в городском пространстве к ним может быть причислен и звук транспорта. К звукам-сигналам относятся звуковые явления, призванные маркировать то или иное событие: предупреждающие устройства, звон колоколов, звук сирены. Звуки, присущие конкретному месту — это так называемые звуковые ориентиры (слово *soundmark* образовано по аналогии с *landmark* — с англ. — «заметный объект местности, памятник»).

Параметры приведенной классификации могут быть соотнесены с элементами анали-

4 В начале 1970-х гг. Мюррей Шафер сделал шаг в сторону от традиционных подходов к исследованию звуковой среды (ср. с акустикой — разделом физики, например) и решил посмотреть на проблему в том числе с гуманитарной точки зрения [Smith, 1994]. Официальный сайт проекта: <http://www.sfu.ca>.

5 А. Возьянов классифицирует профессиональные интересы подобных исследователей и дает подробные библиографические ссылки. В своей статье «Саундскейп городского двора» он отмечает, что «экологи <...> концентрируются на изучении «звуковой экологии» и проблемах зашумленности, социальные географы и картографы — на составлении аудиальных карт и путеводителей, культур-антропологи описывают музыкальную культуру города как элемент локальной идентичности и туристической привлекательности. <...> Масштаб городской аудиальности, попадавший в поле внимания исследователей, колебался от города в целом или даже группы городов до отдельных событий, например, фестивалей или же специфических городских мест (гетто, клубов, отдельных кварталов)» [Возьянов, 2014b].

за города, которые предложил Кевин Линч⁶. Если структура образа города, воссоздаваемая с помощью инструментария К. Линча («пути», «границы», «узлы», «районы»), будет визуальной, то Шафер предлагает схему для фиксации аудиальных впечатлений и таким образом исследует морфологию звукового пространства.

Наряду с исследованием М. Шафера значимым среди исследователей звукового пространства считается эссе Ф. Коломбийна «Тоооот! Вроооом!». Отмечаемые проблемы антропологического характера связаны, во-первых, с тем, что восприятие звука носит субъективный характер, и это влечет за собой высказывание о том, что «уровень шума — субъективная оценка» [Colombijn, 2007]. Коломбийн заключает, что шум может быть даже не всегда громким. Именно из-за того, что механизм перцепции вариативен у людей, объективировать категории, связанные с восприятием звука, достаточно трудно. Иная сложность связана с характером самого анализируемого материала. История звукозаписи имеет не очень глубокие корни, что исключает возможность полноценного ди-ахронического исследования звуков.

В практической части своей работы Коломбийн, занимая позицию стороннего наблюдателя, обращается к индонезийским городам. Его классификация звуков выглядит следующим образом: 1) звуки улицы (транспорта, призыва на молитву муллой), 2) звуки «власти / силы»⁷ (по Коломбийну, сама возможность шуметь, издавать звуки — это проявление власти над определенным пространством), 3) звуки современности (это в первую очередь звучание «прогресса», также воспроизведение современной музыки)

и 4) «личные / приватные» звуки (*sounds of intimacy*; приводится пример празднования свадьбы).

Основная дихотомия при классификации звуков заключается в их природном либо антропогенном происхождении. Это базовое деление, возникшее в традиции экологического подхода, весьма закономерно. Остальные виды звуков могут выделяться на самых разных основаниях: по функциональному принципу (сигнал, ориентир) или через объяснение их принадлежности и характера (звуки улицы, звуки современности). Проблемными вопросами в данных научных исследованиях видятся субъективность (даже при высокой степени формализации анализируемой информации) исследования и молодость отрасли, которая не всегда дает возможность обратиться к материалам даже недавнего прошлого.

Практика исследования звукового ландшафта имеет неглубокие корни в России. Выше упоминались статьи А. Возьянова, занимающегося вопросом изучения саундскейпов в ключе мировых подходов и использующего терминологический аппарат социального антрополога. Работы⁸ этого исследователя на данный момент скорее представляют исключение и, насколько нам удалось выявить, единственный российский опыт обсуждения звуковой среды города в стилистике дискурса, сформированного на Западе.

В то же время уместным здесь представляется упоминание концепции теоретика и музыкального критика М. Е. Тараканова о «фоносфере» как звуковой среде обитания человечества [Тараканов, 1986: 3]. Автор понятия «фоносфера» вдохновился идеей ноосферы (Тейяр де Шарден, Вернадский), актуальность которой особенно возросла в момент осознания проблемы ухудшения состояния окружающей среды и понимания необходимости воспитания экологического мышления

6 Об аналогии с классификацией Линча [Линч, 1982] также говорят и Коломбийн, Смит и др. (Colombijn F. Тоооот! Вроооом! The Urban Soundscape in Indonesia; Smith C. J. The acoustic experience of place: An exploration of the soundscapes of three Vancouver area residential neighbourhoods [Colombijn, 2007; Smith, 1994].

7 Данную концепцию о господстве власти стоит прочитывать в контексте высказываний М. Фуко о повсеместном распространении властных отношений между субъектами. См., например, Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977, Knopf Doubleday Publishing Group, 1980. Дискурс о власти над пространством, в том числе городским, развивает Д. Харви в своем эссе «Право на город» [Харви, 2008].

8 Статья «Политики шума, шумовое неравенство и тактики сопротивления шуму: случай ростовской общаги» посвящена рассмотрению практики совместной жизни студентов Ростовской государственной консерватории им. С. В. Рахманинова в стенах одного общежития. Отмечена профессиональная трудность: всем студентам необходимы музыкальные репетиции. В статье «О саундскейпе городского двора» воссоздается звуковой образ двора в исторической перспективе. Автор пользуется социологическим инструментарием для проведения своих исследований.

(ср. с зарождением концепции энвайронменталиста Шафера об экологии звука); также Тараканов испытал влияние материально-технического прогресса (появление и внедрение радиовещания), который принципиально расширил возможности тотального распространения музыки. Именно повсеместность музыки, которая сделалась доступной почти в любой точке земли, стала причиной для разговора о «фоносфере» как о новом феномене, порождающем свои экологические проблемы»⁹.

В этом контексте следует вспомнить и о Рах Sonoris — концепции Звучащего мира, идейным отцом которой был Дживани Константиневич Михайлов, советский композитор и музыковед. Согласно Дж. Михайлову, одно из основных положений, на основе которого строится единая система мировой музыкальной культуры, заключается в том, что звук не является элементом музыкальной ткани. Звук — это полноценное самостоятельное явление, «воплощающее в себе весь макрокосм бытия, отражающее специфику различных цивилизаций и создаваемых ими «моделей мира»» [Музыкальные культуры...].

Исследовательский подход

Звук является одной из составляющих городской повседневности. В XX веке Ш. Бодлер, пытаясь осмыслить городскую действительность, вводит фигуру фланера. Вымышленный Бодлером образ подхватывают и по-своему переосмысливают В. Беньямин [Беньямин, 1996, 2004] и А. Лефевр [Лефевр, 2007], они пробуют интерпретировать происходящее в городе через призму фланерства. Исследователи визуальной составляющей города привлекают в ходе анализа базовые философские высказывания XX века: «Движение по городскому пространству, в процессе которо-

го происходит чтение текста городской среды, эквивалентно постструктуралистскому понятию «прогулки по тексту», предложенному Р. Бартом» [Трушина, 2000]. Традиционным языком, которым пользуются современные «читатели» городского пространства, является язык визуальных кодов. В данном случае предпринимается попытка сконцентрироваться на звуке, зафиксировать и проинтерпретировать звуковые коды.

Исследовательская тактика в момент сбора полевых материалов походит на фланерство. В этой практике есть сходство с методикой сонографической фиксации, в ходе которой данные для анализа саундскейпа получают в том числе во время звуковых прогулок (soundwalks).

Сбор полевых материалов

Для полевого исследования, подразумевавшего фиксацию звуковых явлений города в словесной форме и их дальнейшую интерпретацию, был выбран Арбатский район Москвы. В течение трех выходных праздничных дней (01.05.2013–03.05.2013) в дневное время, в промежутке с 11.00 до 17.00, были собраны качественные данные о звуковой среде района.

Фиксация звуков происходила следующим образом: 57 улиц района были пройдены целиком от начала до конца или на отрезке улицы, вписывающемся в границы района. Во время движения по улице записывались все слышимые звуки вне зависимости от их происхождения и акустических параметров.

Всего зафиксировано около 700 звуков, из них 210 являются уникальными (т. е. замечены на исследуемой территории лишь раз). Звуки были проанализированы по ряду параметров. Во-первых, была сделана попытка отметить принадлежность звука, которая определялась по субъекту или объекту, производящему звук. Во-вторых, звуки были описаны в рамках системы специально выделенных бинарных оппозиций.

9 В одном из черновых вариантов к своей статье для «Курьера ЮНЕСКО» Тараканов пишет: «...в перспективе наша планета будет окружена глобальной «фоносферой» непрерывно производимых осмысленных музыкальных звучаний. <...> речь идет о загрязнении звуковой среды обитания, о вольном либо невольном воздействии на слух и музыкальное сознание массы людей, захлестнутых потоком разноголосых звучаний, порой воспринимаемых как своего рода ритмизированный шум, остающийся за порогом осмысленного восприятия» [Тараканов, 1986: 36]. (курсив М.Ч.)

Анализ саундскейпа

Использованный в работе метод бинарных оппозиций используется в различных научных сферах¹⁰ и является весьма эффективным и продуктивным способом описания реальной действительности. Звуковой ландшафт города было решено схематично описать с помощью семи пар оппозиций, выстроенных на следующих основаниях:

- 1) *степень превалирования звука (доминирующий / подчиненный);*
- 2) *характер звука (языковой / неязыковой);*
- 3) *происхождение звука (техногенный / естественный);*
- 4) *динамика звука (движение / покой);*
- 5) *субъектность звука: антропогенный / неантропогенный;*
- 6) *местоположение звука в городской сцене (фоновый / событийный);*
- 7) *«дружелюбность» звука (дружелюбный / недружелюбный).*

Оппозиция, подразумевающая выявление **степени превалирования звука**, заключается в определении звука как **доминирующего** в звуковой картине улицы либо как **подчиненного**. Доминирующий звук воспроизводится с одинаковой периодичностью (или он вовсе является монотонным) на одной и той же громкости на протяжении всей улицы или на участке улицы большой протяженности. Звуки подчиненные, как правило, воспринимаются как более тихие, заглушаемые основным, доминирующим, звуком.

Принцип разделения звуков на группы **языковые** и **неязыковые** состоит в фиксации моментов звучания человеческой речи.

Фиксация **происхождения звука** позволила отнести звуки либо к **техногенным**, либо к **естественным**. К естественным относятся звуки, которые воспроизводит человек и другие живые существа, а также неживая природа. К техногенным относятся все остальные звуки.

¹⁰ В основе метода лежит опыт использования смысловозначительных оппозиций в фонологии, предложенных Н. С. Трубецким [Трубецкой, 1960], развиваемого коллегами-лингвистами (Р. Якобсон, М. Халле). Также описанием закономерностей действительности активно пользуется структуралист-антрополог К. Леви-Стросс, теоретик и историк искусства Г. Вельфлин и другие.

Каждый звук был проанализирован на предмет его принадлежности человеку. Все звуки, источниками которых является человек, — **антропогенные**; остальные — техногенные и природные — **неантропогенные**.

С сугубо физической точки зрения звук нельзя назвать статичным явлением, он слышен за счет распространения звуковых волн, т. е. подразумевает под собой движение. Однако нам показалось правомерным отмечать **динамику звука**, которая воплощается в **движении** или **покое** источника звука. Превалирование на определенной территории источников звука, находящихся в постоянном движении, характеризует и саму среду как динамичную в звуковом плане. Действует и обратная схема: статичные источники продуцируют «неподвижную» звуковую среду.

Определяя **местоположение звука в городской сцене**, мы выделили **фоновые** и **событийные** звуки. Фоновые звуки являются частью постоянного городского звукового пейзажа, они не привлекают к себе внимания, никак не выделяются. Под событийными или случайными звуками мы понимаем звуки, разрывающие звуковую ткань фоновых звуков, событийные звуки привлекают к себе внимание слушающего.

Чтобы выразить собственное отношение к каждому из анализируемых звуков, мы ввели критерий «**дружелюбности**» звуков. Каждый звук расценивался субъективно как **дружелюбный** или **недружелюбный**. Эта оппозиция коррелирует с ощущением комфорта окружающей звуковой среды. Констатируя враждебность или дружелюбность звукового пейзажа, мы выделяем положительные и отрицательные образы городских саундскейпов.

После анализа звуков по перечисленным параметрам отдельно был составлен звуковой образ каждой улицы. Для этого был разработан специальный алгоритм. При составлении звуковых портретов улиц в первую очередь выявлялись доминирующие звуки, которые представляют собой канву звуковой картины. Если доминируют фоновые звуки, это значит, что повседневный звук активно овладевает пространством, если же основу составляют событийные звуки, т. е. в некотором роде уникальные, нетипичные для рассматриваемой среды, можно почувствовать «прозрачность» звуковой среды, лишенной постоянного фона. Далее определяются приоритетные признаки среди доминирующих и подчиненных звуков,

на этой основе составляется звуковой образ улицы.

Классификация звуков

При интерпретации собранных звуковых данных было сделано допущение о том, что каждый из звуков встроен в систему глобальной акустической коммуникации, т. е. каждый звук коммуникативен по своему характеру и несет в себе смысловой посыл, часто легко распознаваемый и нередко не требующий в повседневной жизни рефлексии. Анализируя звуки по выделенным параметрам, мы попытались «считать» смыслы городских звуковых сообщений.

Фиксация звуков позволила выявить основные составляющие звукового ландшафта Арбатского района Москвы. Чаще всего здесь можно услышать речь, шаги и иные звуки, сопутствующие передвижению человека, шум машин, звуки транспорта и стройки, пение птиц.

Принадлежность звука

Анализ звуков по параметру «принадлежность» выявил их основные источники — люди, транспорт (машины, троллейбусы, вертолет) и прочие техногенные устройства (генераторы, вентиляционные устройства, электроштиты), городская природа (ветер, птицы) и отдельные детали городской среды, провоцирующие появление звуков (плохо закрепленные крышки канализационных люков, домофоны, водосточная труба).

Скорее всего, такой источник звука как, например, вертолет (ул. Воздвиженка) является нетипичным для повседневной звуковой картины, однако исследование проводилось в один из праздничных майских дней в то время, когда был установлен повышенный контроль за городом, и в то же время происходила традиционная подготовка к 9 мая. Так, получается, что был отмечен звук, маркирующий определенное положение в городе («надзор за городом») и/или подготовку к определенной календарной дате.

Не всегда можно однозначно расценить источник звука (ровно об этой проблеме размышляет и Мюррей Шафер [Schaffer, 1993: 22–23]). Например, в Староваганьковском переулке основным звуком оказался звук ветра. Логично интерпретировать вой ветра как звук природы, однако на отрезке меж-

ду РГБ и Музеем Архитектуры им. Щусева специфическая ситуация скорее обусловлена архитектурно-планировочной структурой конкретного пространства. В данном случае в качестве источника звука был все же выбран ветер, хотя если смотреть глубже на условия происхождения этого звукового явления, то в качестве субъекта, обусловившего эту ситуацию, может выступать и человек.

Степень превалирования звука

Был сделан вывод о том, что часто доминирующими являются звуки транспортных потоков, такая ситуация характерна для каркасных улиц¹¹. Звуки антропогенного характера (шаги, которые гулко разносит эхо под навесом здания; речь) или статичные техногенные (например, звук работающей вентиляции) встречаются там, где трафик и функциональная нагрузка ниже.

Неожиданным оказался следующий факт: некоторые улицы не имеют доминирующих признаков, они прозрачны в звуковом плане и проницаемы для любых акустических вторжений. Примером подобного случая может служить Нижний Кисловский переулок.

В Нижнем Кисловском слышна речь русская и нерусская, шуршание пакета; как открывается и захлопывается дверь машины, затем машина заводится. Улавливается звук гнущегося пластика, опускающегося в мусорный бак пакета, шаги людей, стук каблучков, шелест одежды, эпизодически появляющийся негромкий звук вентиляции, шум от пролетающего вертолета, чириканье птиц, звонок телефона. В отдалении звучит стройка, проходят музыкальные репетиции, на соседней улице проезжают машины. Переулок

11 Теорию, в которой объясняется естественный цикл развития города, предложил А. Э. Гутнов. В качестве основного структурного элемента городской системы был выделен каркас, остальные пространственные компоненты города было решено назвать тканью. Так возникла двоичная модель градостроительной системы «Каркас-ткань», позволяющая «отказаться от зонирования городской территории по типу протекающих на ней функциональных процессов и перейти к зонированию по интенсивности протекания (и соответственно пространственной концентрации) этих процессов» (цит. по: Гутнов А. Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы, 1985).

полон звуков, но в то же время в нем нет постоянно звучащей доминанты, как это можно увидеть на примере Большой Никитской улицы, где наряду с остальными оказываются доминирующими те звуки, которые только что в Нижнем Кисловском значились как не доминирующие.

Характер звука

Оппозиция языковых и неязыковых звуков интересна тем, что на первый взгляд очень похожа на описывающую антропогенные и неантропогенные звуки, но в то же время не идентична ей. Например, неречевыми, но антропогенными будут звуки шагов людей, примером речевых и неантропогенных могут служить доносящиеся из музыкальных колонок, расположенных на фасадах кафе (например, на улицах Арбат и Новый Арбат), песни и объявления рекламного характера.

Рассматривая корреляцию с антропогенными звуками, можно увидеть, как на определенных улицах звучит немало антропогенных и в то же время неречевых звуков, в подобной закономерности можно увидеть особый режим существования подобных пространств. В пример можно привести Колымажный, Плотников и Калашный переулки. Все это тихие, небезлюдные, но «молчаливые» переулки. На отрезке Колымажного переулка, входящего в границы района, просто неудобно разговаривать, потому что там ремонт и люди вынуждены проходить друг за другом, что не располагает к беседе. Возможно, это случайность, что в Плотниковом переулке не было отмечено речи, однако можно сделать вывод о том, что просто этот переулок сам по себе не очень популярен в выходной день, он включается в определенные маршруты пешеходов, но не является прогулочной зоной, ведь речь чаще всего сопутствует размеренной прогулке.

Примером активного речевого разнообразия будет улица Арбат. Эта улица была переделана в пешеходную прогулочную зону для общения в последней трети XX века. Сегодня эта зона неспешного променада, подразумевающего насыщение развлечениями, населена самыми разными языковыми проявлениями: она наполнена речью иностранной и русской; на ней слышится шепот, пение уличных музыкантов и просто пение горожан, звучат возгласы, окрики и выкрики (троекратное «Ура!» у фонтана «Принцесса Турандот» рядом с теа-

тром Вахтангова). Речь придает активный статус антропогенной среде.

Происхождение звука

Разделение звуков на техногенные и естественные в некотором роде отсылает нас к выявлению принадлежности звуков тому или иному источнику. Здесь встает вопрос о том, кому нам как исследователям дать возможность присвоить звук. Достаточно прозрачен критерий: естественное — все, источником чего служат природа и человек, а техногенное — все техническое, работающее на основе тех или иных источников энергии помимо сил природы и человека. Примеры естественных звуков — пение птиц, звук стука каблучков; примеры техногенных звуков — звуки машин, стройки (сварка, сверление). Отдельно можно отметить, что в группу естественных звуков были занесены звуки едущего велосипеда (т. к. в движение его приводит человек), шуршания пакета, шелеста одежды, скрипа качелей. В то же время техногенным будет звук из радиации охранников парковки, сигнал домофона и звук ворот, закрывающихся автоматическим способом.

Естественные звуки можно считать более близкими человеку. В качестве примера улицы с превалированием естественных звуков приведем Спасопесковский переулок. Здесь на фоне техногенных звуков — вентиляции, домофона и машин с соседней улицы — звучат человеческие шаги, русская и зарубежная речь, звенит посуда в кафе, шелестит одежда прохожих, шуршит пакет, слышится кашель и стук каблучков, чириканье птиц и взмахи птичьих крыльев. Обилие естественных звуков влияет на оценку среды с точки зрения «дружелюбности». Наличие простых человеческих или природных звуков делает среду более привлекательной с аудиальной стороны.

Динамичность звука

Динамичные звуки — звуки, проносимые мимо слушателя вслед за своими источниками, они закономерно придают движение и самой городской среде. Наиболее часто встречающиеся неподвижные звуки — звуки стройки, птиц, вентиляции, расположившихся на солнцепеке воркующих голубей.

Нединамичная звуковая среда может вызывать ощущение периферийности, ведь

закономерно следующее положение дел: в большом мегаполисе все всегда спешит, топчется и громко звучит, как это происходит на улице Новый Арбат.

Высокая скорость происходящего — черта, диктуемая современностью¹². Горожане знают о таких динамичных улицах, как Новый Арбат, Моховая, и вряд ли с такой же легкостью вспомнят, где находится менее востребованный и потому более спокойный Малый Каковинский переулок, в звуковой картине которого можно ясно различить, как голуби вышагивают по карнизу дома или пощелкивает раскаленная на солнце крыша машины.

Попытка остановиться, задержаться и жить в медленном темпе оказывается непростительной роскошью. Вероятно, спокойствие в современном мире — либо признак состоятельности (можно предположить, что с неординарной спокойной звуковой средой можно столкнуться на огороженных территориях), либо признак «неуспешности», непопулярности.

Субъект звука

В качестве примера активно-людной звуковой среды можно привести Арбатскую площадь и Арбатские ворота, где не просто объективно много людей, но и сильно чувствуется их звуковое присутствие. На фоне движения потока машин слышится смех, речь, кашель, плевки прохожего, который ест семечки; звук от игрушки-шумелки, которой развлекаются молодые люди; улавливается стук каблучков.

Примером абсолютно неантропогенной среды может служить 1-й Николощеповский переулок, в котором слышен звук потока машин со Смоленской набережной, звуки стройки со Смоленского бульвара, чириканье птиц и удары развеваемых ветром флагов, сшитых из плотной материи.

12 Похожую оппозицию использует В. Паперный в своей работе «Культура Два», посвященной характеристике двух эпох — 1920–1930-х гг. и 1930–1950-х гг. В главе «Растекание — затвердевание» он рассматривает оппозицию «движение — неподвижность». Паперный использует диахронный подход к анализу культуры, динамичность и подвижность видятся исследователю как определенные черты времени [Паперный, 2011: 60–72].

Местоположение звука в городской сценографии

Во время сбора полевых данных был отмечен факт: в звуковом пейзаже существует некоторая иерархия звуков: некоторые из них доминируют, остальные словно отходят на второй план; некоторые звуки являются постоянным атрибутом московских улиц, остальные случайно внедряются в общую картину. По этой причине в оппозиции «местоположение звука в городской сценографии» звуки проанализированы на принадлежность к фоновым (часто встречающимся в звуковом ландшафте города) и к случайным (внезапным, временным, нетипичным).

Интерес представляют те случаи, когда фоновые звуки не преобладают или отсутствуют в звуковых пейзажах улиц. Примером такой улицы может служить Гоголевский бульвар. Здесь слышен не только привычный скрип тормозящих машин, позвякивание троллейбусов и сигналы светофора. Под ногами постоянно звучит гравий, туристы и горожане делают фотоснимки (звук фотосъемки), работает генератор и льется вода из шланга, журчит вода в фонтане (памятник Михаилу Шолохову), а продавец глиняных свистулек показывает потенциальным покупателям всевозможные вариации звукоизвлечения. Подобным образом нетипичные звуковые пейзажи вносят разнообразие в звуковой облик города.

Отдельно отметим, что европейская нерусская речь в центральном районе легко включается в число фоновых звуков. Вероятно, в периферийных районах франкоязычную или итальянскую речь стоило бы расценить как случайность.

«Дружелюбность» звука

Параметр дружелюбности — субъективный критерий, был введен, чтобы попытаться охарактеризовать комфортность среды в звуковом плане.

На «дружелюбность» влияет источник звука. Приятны естественные, антропогенные звуки. Например, в Среднем Кисловском переулке звучат «дружелюбные» звуки тихих шагов, речь, смех людей, чириканье птиц, нейтральный по своему характеру звук дофона, а также звук проезжающей, по-особому трогательно «тархтящей», пожарной машины (с выключенной сиреной). К этой же группе были отнесены бытовые звуки, возникающие рядом с легковой машиной: загрузка

Таблица 1

Доминирующие 6				Подчиненные 14			
Фоновые	4	Событийные	2	Фоновые	10	Событийные	4
Движения	2	Покоя	4	Движения	10	Покоя	4
Неантропогенные	4	Звуки людей	2	Звуки людей	9	Неантропогенные	5
Неязыковые	6	Языковые	0	Неязыковые	12	Языковые	2
Техногенные	3	Естественные	3	Техногенные	4	Естественные	10
Дружелюбные (friendly)	3	Недружелюбные (unfriendly)	3	Дружелюбные (friendly)	9	Недружелюбные (unfriendly)	5

вещей, захлопывание двери. Особое обаяние переулку придают звуки музыкальных репетиций, т. к. Средний Кисловский играет роль «заднего двора» Московской консерватории: слышны пассажи духовых и струнных инструментов, фортепиано. «Недружелюбности» добавляют звуки сигнализации, вентиляции, гудения электронного щита, врывающаяся в звуковую ткань переуллка ритмичная музыка из проезжающей машины.

Звуковые портреты улиц

Распределив звуки каждой из улиц по соответствующим графам, мы получили количественные результаты по рассмотренным признакам. На основе преобладающих по количеству звуков составлены словесные портреты улиц. Приведем несколько примеров.

Например, **Большому Кисловскому переулку** на момент дня 1-го мая 2013 года соот-

ветствует следующая картина (см. Таблицу 1).

На основе этой схемы можно сделать следующий вывод о состоянии звуковой среды: *спокойная и вместе с тем активно проявляющая себя звуковая среда, в которой преимущественно представлены неантропогенные, неязыковые звуки; нередко встречаются естественные звуки, что в целом помогает охарактеризовать переулок как дружелюбный.*

Схема звуковой картины Нижнего Кисловского переуллка (1.05.2013, день) выглядит следующим образом (см. Таблицу 2).

Отсутствие доминирующих звуков позволяет охарактеризовать аудиальную среду переуллка как *прозрачную в звуковом плане, в то же время наполненную преимущественно приятными естественными звуками неязыкового характера.*

Кодифицирование звуков легко поддается расшифровке и, хочется верить, позволяет сделать некоторые репрезентативные вы-

Таблица 2

Доминирующие 0				Подчиненные 20			
Фоновые	0	Событийные	0	Фоновые	15	Событийные	5
Движения	0	Покоя	0	Движения	11	Покоя	10
Неантропогенные	0	Звуки людей	0	Звуки людей	10	Неантропогенные	4
Неязыковые	0	Языковые	0	Неязыковые	16	Языковые	2
Техногенные	0	Естественные	0	Техногенные	8	Естественные	12
Дружелюбные (friendly)	0	Недружелюбные (unfriendly)	0	Дружелюбные (friendly)	11	Недружелюбные (unfriendly)	9

воды о звуковой картине. Легко выделяются пять небольших пространств, входящих в состав района и отделенных друг от друга каркасными улицами: ось, на которой находятся Новый Арбат и Воздвиженка, пересекается дважды бульварами сначала Гоголевским, затем Новинским. Каждая из этих частей воспринимается по-разному.

Каждая из каркасных улиц обладает своим портретом. На Новом Арбате слышится радио и шум машин, на Воздвиженке тоже рычаг моторы, совершенно безликими кажутся ветреные Новинский и Смоленский бульвары, тихий Гоголевский бульвар ассоциируется с хрустом гравия под ногами и звуками свистулек, которые продает нелегальный продавец. Лишь Гоголевский бульвар в этом ряду выглядит привлекательно, так как он не слишком шумный и обладает уникальным образом по сравнению с другими значимыми транспортными артериями.

Пространство в границах Воздвиженки, Моховой, Большой Никитской, Большого Кисловского переуллка и Никитского бульвара воспринимается как закулисы Московской государственной консерватории — в звуковом плане самого яркого здесь объекта. Тихие переулки наводнены «дружелюбными» звуками, прозрачная в звуковом плане среда позволяет различить самые мелкие детали вроде скрипа закрывающихся ворот, шуршания целлофанового пакета, смеха горожан, заводящейся машины, и различим даже звон монет в кармане прохожего.

По другую сторону Воздвиженки — пространство, ограниченное Знаменкой, Большим Знаменским и Колымажным переулками, а также Гоголевским бульваром. Эта территория едва ли примечательна, здесь распространены антропогенные средовые звуки, слышится монотонный гул вентиляции и рабочих машин-поливалонок, «тикающий» светофор.

Больше всего «звуковых событий» можно встретить на территории, ограниченной Гоголевским бульваром, Сивцевым Вражком,

Денежным и Глазовым переулками, Садовым кольцом и, наконец, Новым Арбатом. Высокий уровень «событийности» связан в первую очередь с тем, что здесь находится улица Арбат (Старый Арбат), богатая на всякие аудио-аттракционы. Чтобы заманить в кафе или магазин, недостаточно броского визуального оформления, используется реклама, громко работает радио, маркируя то или иное пространство. Кроме того, на этой же улице часто звучит музыка профессиональных уличных музыкантов и любителей. На улице Арбат было зафиксировано наибольшее число непосредственно антропогенных звуковых иллюстраций: троекратное «ура», зазывание промоутеров, пение нетрезвых мужчин, причитание попрошайки, живое исполнение иноязычной и российской музыки, реклама через громкоговорители и др.

Территория за Садовым кольцом, относящаяся к Арбатскому району, в целом оказалась однородной в звуковом плане, она наполнена спокойными бытовыми антропогенными и природными звуками. Выделяется здесь Смоленская набережная, так как там постоянно дует сильный ветер. Вероятно, во многом в связи с этим там малоллюдно, что также отражается на звуковой картине. Сбор данных происходил в канун майских праздников, поэтому на набережной можно было услышать, как развеваются флаги (сильные удары плотной ткани).

Пространство между Бульварным и Садовым кольцами, ограниченное Новым Арбатом и Поварской, можно охарактеризовать следующим образом: это активная звуковая среда, наполненная приятными неязыковыми естественными звуками, там же присутствуют динамичные звуки неантропогенного характера. Из жилых домов доносится свист чайника, звон посуды, из музыкальных заведений — барабанная дробь, репетиция ансамбля, а на самих улицах — звуки стройки, скрип автомобильных тормозов, птичий щебет и не только.

Подобные описания можно детализировать: более подробно перечислять все зафиксированные звуки, выявлять их иерархию, уточнять источники. Однако до тех пор, пока методология не будет расширена, результаты описания данных будут носить сугубо этнографический характер. Будучи анализатором среды, единичный исследователь способен лишь тотально зафиксировать окружающую обстановку (нужно отдавать себе отчет в том, что он все же будет это делать в меру своих возможностей), но не может дать ей весомую оценку. Очевидно, что, помимо подобной «этнографии», ценно и мнение горожан, временных и постоянных пользователей пространства.

Заключение

Согласно целям работы, благодаря упорядочиванию высказываний исследователей, принадлежащих различным научным группам, в рамках исследования были выявлены и описаны разнообразные подходы к построению звуковой картины города. Также были собраны данные о звуках Арбатского района Москвы. В ходе анализа звуков возник ряд кратких выводов и развернутых умозаключений.

Если сделать допущение о том, что все звуки коммуникативны, то становится ясно, что аудиальный ландшафт несет в себе черты локальной и общегородской идентичности.

Выделение звуков по оппозициям позволяет не просто дифференцировать улицы, но и выявить общую картину сегментирования пространства по определенным параметрам, что подтверждает гипотезу о взаимообусловленности звуковых характеристик пространства и его сегментирования.

Звуки являются маркерами особенностей городской жизни, способны проиллюстри-

ровать календарные события, укладываются в паттерны.

Не всегда просто определить источник: часто звук оказывается результатом взаимодействия нескольких субъектов или объектов.

Существуют улицы прозрачные в звуковом плане, не отягощенные постоянно повторяющимися или непрерывными звуками. В то же время в постоянно повторяющихся звуках можно увидеть непрерывность: они по своему характеру становятся фоновыми.

В звуковых картинах улиц не всегда присутствуют доминирующие звуки.

Активная антропогенная среда не всегда является активной языковой средой, при этом речь, наряду с прочими естественными звуками, придает улицам города дружелюбность. Выявлены улицы с особым «режимом» существования, на которых люди присутствуют, но не коммуницируют друг с другом вербально.

Разговор о динамичности городской среды в звуковом плане заставляет задуматься о Москве как о глобальном городе и попытаться ответить на вопрос о том, есть ли в большом современном городе место статике. Динамичные звуковые среды — успешные, популярные среди горожан пространства. Аудиальное спокойствие среды является либо признаком высокого качества среды, либо его не востребоуванности.

Перспективы данного исследования на данный момент пока еще рано связывать с задачами планирования и оптимизации звуковой среды города, конструирование звуковых пространств невозможно без получения актуальных данных от самих горожан. Именно в связи с этим в качестве следующего этапа исследования видится выход в поле с целью выявить отношение к звуковому ландшафту самих жителей города.

Список литературы

- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. М.: Медиум, 1996.
- Беньямин В. Шарль Бодлер. Поэт в эпоху зрелого капитализма // Маски времени. Эссе о культуре и литературе. СПб.: Симпозиум, 2004.
- Визуальная антропология: городские карты памяти // Под ред. Романова П., Ярославской-Смирновой Е. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009.
- Возьянов А. Винил в большом городе: между звуком и зрелищем // Визуальная антропология: городские карты памяти. Ред. Романов П., Ярославская-Смирнова Е. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009.
- Возьянов А. О саундскейпе городского двора: Препринт статьи // Микроурбанизм. ред. Запорожец О., Бредникова О. Издательство НЛО, 2014.
- Возьянов А. Политики шума, шумовое неравенство и тактики сопротивления шуму: случай ростовской общаги, 06.04.2010 / Cogita.ru / URL: <http://www.cogita.ru/analitka/issledovaniya/andrei-vozyanov-politiki-shuma-shumovoe-neravenstvo-i-taktiki-soprotivleniya-shumu-sluchai-rostovskoi-obschagi> (дата обращения 25.04.2013)
- Глазычев В.Л. Город без границ. М.: Территория будущего, 2011.
- Гутнов А.Э. Системный подход в изучении города: основания и контуры теории городского развития // Системные исследования. Методологические проблемы. М.: Наука, 1985.
- Замятин Д.Н. Пространство и звук: к пространственным антропологиям звука и звучания // Звук и отзвук. Сб. науч. статей / Отв. Ред. Е. Д. Андреева. М.: Институт наследия, 2010. С. 131–142.
- Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Лефевр А. Другие Парижи // Логос. 2008. Т. 66. № 3. С. 141–147.
- Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 3. С. 33–36.
- Музыкальные культуры мира // Официальный сайт научно-творческого центра Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского. URL: <http://www.worldmusiccenter.ru/pax-sonoris-kak-predmet-sovremenno-muzykoznanija> (дата обращения 25.11.2015)
- Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Тараканова Е.М. Концепция фоносферы на рубеже тысячелетий // Звуковая среда современности. Сборник статей памяти М. Е. Тараканова (1928–1996). Отв. ред.-сост. Е. М.Тараканова. М.: ГИИ, 2012.
- Тараканов М.Е. Музыкальное пространство и звуковая среда обитания СССР // Курьер ЮНЕСКО. 1986. Май. С. 3.
- Трубецкой Н.С. Основы фонологии. Изд-во Иностранной лит-ры, 1960.
- Харви Д. Право на город // Логос. 2008. № 3. С. 80–94.
- Colombijn F. Tooooot! Vroooooom! The Urban Soundscape in Indonesia // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2007. Vol. 22. № 2. pp. 255–272.
- Milbrath L.W., Fisher B. V. Environmentalists: Vanguard for a new society. SUNY Press, 1984.
- Schafer R.M. The soundscape: Our sonic environment and the tuning of the world. Inner Traditions/Bear & Co, 1993.
- Schafer R. Murray Exploring the new soundscape // UNESCO Courier. 1976. November. pp. 4–8.
- Smith C.J. The acoustic experience of place: An exploration of the soundscapes of three Vancouver area residential neighbourhoods. National Library of Canada, 1994.
- Sterne J. (ed.). The sound studies reader. Routledge, 2012.